

УДК 94(470) «1941/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-182-194

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ларионов А.Э., Дворковая М.В.

Московский государственный областной университет

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных коммуникаций и моделей публичного поведения населения Новгородской земли в период Великой Отечественной войны. Основным источником послужили архивные документы, помещённые в 3-м томе сборника «Новгородская земля в эпоху социальных потрясений 1941–1945 гг.». Изучение опубликованных источников с привлечением методологических подходов отечественной и зарубежной исторической науки позволило сформулировать и обосновать концепцию о советском обществе военного времени как обществе традиционном, но использующем технологии модерна для защиты собственного будущего. Новгородская земля может рассматриваться как пример типичной модели социальных коммуникаций СССР периода 1941–1945 гг. В итоговом выводе авторы настаивают на необходимости актуализации успешного исторического опыта для потребностей развития России в настоящем и в исторической перспективе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальные коммуникации, традиционное общество, общество, власть.

SOCIAL COMMUNICATION AND MASS ATTITUDES OF THE WARTIME (ON ARCHIVAL MATERIALS OF NOVGOROD REGION)

A. Larionov, M. Dvorcovaya

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the analysis of social communications and public behavior models of the population of the Novgorod land during the great Patriotic war. The main source was the archive documents placed in the 3rd volume of the collection "the land of Novgorod in the era of social upheaval, 1941-1945". The study of the published sources with the involvement of methodological approaches of domestic and foreign historical science enabled to formulate and justify the concept assuming the Soviet society of wartime to be a traditional one, but using technology of modern to protect their own future. Novgorod land can be considered to be an example of a typical model of social communications of the USSR in the period of 1941-1945. In the final conclusion the authors insist on the need to update the successful historical experience for the development needs of Russia in the present and in the historical perspective.

Key word: the Great Patriotic war, social communications, traditional society, society, power.

Около 10 лет назад, в 2006–2009 гг., Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГА-НИНО) осуществил масштабный проект публикации документов за период 1918–1956 гг. под общим названием «Новгородская земля в эпоху социальных потрясений». Результатом стало появление уникального собрания ценнейших источников по новейшей истории одной из старинных великорусских областей. К сожалению, у издания оказался очень маленький тираж, чтобы удовлетворить всю заинтересованную публику. Авторы настоящей статьи выражают искреннюю благодарность директору Тверского центра документации новейшей истории (ТЦДНИ) Наталье Арнольдовне Руф, благодаря любезности которой у них появилась возможность ознакомиться с этим изданием и использовать его в научной и преподавательской деятельности.

Можно со всей ответственностью утверждать, что благодаря такому изданию изучение социальной истории и истории повседневности России в XX становится гораздо более продуктивным. Ни один регион не развивался изолированно. Типовые социальные практики и модели социальных коммуникаций имели распространение на всей территории СССР, тем более, будучи подкреплены властными импульсами и господством единой идеологии. Аутентичные документы эпохи: жалобы и обращения граждан, докладные записки, донесения – позволяют представить живую социальную ткань определённого исторического периода во всём многообразии, увидеть за конкретными случаями то единство ценностей, а равно забот, проблем, тревог

и способов их преодоления, которое делает людей единым народом.

Однако одной только описательной реконструкции на основе источников едва ли достаточно для того, чтобы понять эпоху и извлечь из событий прошлого уроки для настоящего. Необходимо при помощи исторических документов выстраивать теоретическую модель прошлого, адекватную всей исторической традиции Русской цивилизации. Как представляется, настоящее издание подходит для этого как нельзя лучше. В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка проанализировать социальные коммуникации советского общества в период Великой Отечественной войны на примере Новгородской области. Для этого привлекаются архивные материалы, помещённые в третьем томе издания «Новгородская земля в период социальных потрясений» [5], а также некоторые другие источники.

К началу Великой Отечественной войны Новгородской области как самостоятельного субъекта административно-территориального деления не существовало. Земли, которые позже войдут в её состав, на 22 июня 1941 г. находились в составе Ленинградской и Калининской областей. В ходе военных действий лета-осени 1941 г. большая часть будущей Новгородской области была оккупирована немецкими захватчиками. Окончательное освобождение Новгородской земли состоялось только зимой 1944 г. в ходе Ленинградско-Новгородской операции. Таким образом, значительная часть районов Новгородчины находилась в оккупации более двух лет. Сам Новгород был занят немецкими войсками 19 августа 1941 г., а освобождён от них 20 января 1944 г.

За годы войны Новгородской земле довелось побывать тыловым и прифронтовым городом, зоной боевых действий и оккупированной территорией с развитым партизанским и подпольным движением. Все эти трагические события неизбежно отразились на жизни людей, вызывая специфические реакции власти, меняя официальные и private отношения между отдельными людьми и целыми коллективами. Архивные источники позволяют проследить типовые социальные коммуникации военного времени на Новгородской земле и выделить их наиболее характерные особенности. После чего появится возможность для теоретических обобщений социально-исторического характера.

С первых дней войны началось интенсивное формирование нового дискурса публично-официальных социальных коммуникаций, прежде всего по вектору «власть-общество». Выступления В.М. Молотова 22 июня и И.В. Сталина 3 июля 1941 г. были не просто пропагандистским призывом или призывом к действию. В первую очередь это был разговор власти с людьми. Что особенно справедливо в отношении сталинской речи 3 июля. Помимо собственно содержания со знаменитым душевным обращением «Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои» [6, с. 9], наше внимание привлекает частотность употребления ключевых лексем, позволяющих выявить направленность смысла. В выступлении единожды употреблены местоимения «Я» и «ВЫ» – в самом начале речи. Зато по ходу основного текста мы видим, что местоимение «МЫ» в различных падежах использовано 53(!) раза. В связи с этим словоупотреблением 23 раза

задействованы коннотации должностования как эталона коллективного действия – «должны, нужно, необходимо, требуется» [6, с. 9–17]. Очевидным образом, власть не отделяла себя от народа, подчёркивая единство ценностей и интересов.

Каким был ответ общества на эти информационные послылы? Ведь в выступлениях высших государственных лидеров, кроме собственно информирования о происходящем и официально-обязательной модели его интерпретации, содержались призывы к вполне определённым действиям по предложенным лекалам. В 3-м томе «Новгородская земля в эпоху социальных потрясений» помещены 23 документа за период с 22 июня по 16 июля 1941 г. включительно, характеризующих настроения и отклики населения Новгородчины на события начавшейся войны и на выступления советских руководителей. Сводки партийных органов (ГК ВКП(б) Новгорода, Боровичей, Шимска) дают достаточно целостную картину общественных настроений [5, с. 14–52].

Основной организационной формой коллективной реакции на обращения власти являлись митинги на предприятиях и в учреждениях. Докладные записки и отчёты преимущественно построены именно вокруг такого рода массовых мероприятий. Бесспорно, что в большинстве случаев организационная инициатива принадлежала руководству учреждений и партийно-политическому активу. Что не означает отсутствия искренности и свободного волеизъявления со стороны участников митингов и собраний. В качестве типовых реакций и настроений следует выделить выступления трудящихся

на митингах, практические действия советских граждан, заявления о вступлении в РККА, в народное ополчение, санитарные дружины, вопросы к агитаторам и пропагандистам во время политбесед.

Согласно документам, господствующим типом коллективной реакции на сообщения о нападении Германии на СССР были гнев в отношении агрессора, готовность отдать все свои силы на благо Родины, выражение солидарности с Советской властью:

«1. 25 июня. Мы, работники горбольницы, полные гнева и негодования, крайне возмущены вероломным поведением германских фашистов... Заверяем партию и правительство, что все свои силы и знания отдадим на защиту нашей социалистической Родины... Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует тов. Сталин!»¹

2. 25 июня. Группа призывников-курсанты ГЭС на митинге в резолюции: «Мы готовы все как один встать на защиту своей Родины, дадим решительный отпор фашистским заправилам».²

3. 27 июня. В артели «Красный Октябрь» оборонный заказ будет выполнен также досрочно. Значительно поднялась здесь производительность труда. Работницы, обязавшиеся выполнять по две нормы, чтобы заменить

ушедших на фронт, свои обещания выполняют. Тов. Теглева выполняет норму на 260%, Богомолова – до 206%, Михайлова – до 205%»³.

Важным компонентом таких массовых мероприятий было принятие резолюций – как выражения коллективной воли социума в экстремальной ситуации. В советском обществе военного времени историческая субъектность личности реализовывалась преимущественно через коллективно-солидарные социальные практики – как символического, так и практического характера. Причём первые были первичны и играли роль мотиватора, а вторые как бы вытекали из них, являясь реализацией транслируемых нормативно-ценностных установок. То есть люди вначале фиксировали свою солидарность и факт единства ценностей перед лицом серьёзнейшего внешнего вызова (митинг, выступления, единые эмоции, обещания), после чего подтверждали сказанное делом (подача заявлений в ополчение, перевыполнение плана, в дальнейшем – подписка на военные займы и т.п.).

Между тем принцип историзма как основа познания прошлого учит нас видеть причинную взаимосвязь между явлениями разных времён. Любой социально-исторический феномен неизбежно имеет свои корни и предпосылки в прошлом; какова бы ни была степень его инновационности, в нём неизбежно присутствуют также и элементы традиционности, преемственности. Сама конфигурация и модель

¹ Из информационной сводки Боровичского горкома ВКП(б) о проведении политико-массовой работы, о выполнении производственных дневных планов основных предприятий и о политико-моральном состоянии населения г. Боровичи. 25.06.1941 г. // ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 756. Л. 1. Опубликовано: [5, с. 25].

² Политсводка Боровичского райкома ВКП(б) о проведении мобилизации и увеличении производительности труда рабочих и колхозников. 25.06.1941 г. ГАНИНО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 3. Опубликовано: [5, с. 23].

³ Из информационной сводки Боровичского горкома ВКП(б) о производственной активности и настроениях жителей Боровичского района. 27.06.1941 г. ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 756. Л. 3–8. Опубликовано: [5, с. 34].

взаимодействия советских форм ритуальной коллективности не могут не иметь предшествующих аналогов – несмотря на цезуры исторического времени, столь характерные для эпохи наступающего модерна. Впрочем, гетерогенность социальных процессов модерна была подмечена непредвзятыми исследователями достаточно давно, как минимум в 70-х гг. XX столетия: «Не линейный рост и тотальная победа новаций, а сосуществование старого и нового, их смешение, взаимодействие, мутация, усиление модернизации за счёт традиций и усиление традиций за счёт модернизации позволяют разглядеть напряжения внутри реального исторического процесса» [1, с. 68].

Правомерно предполагать, что феномен советского коллективизма был укоренён в русском традиционном обществе. Соединение в рамках обыденного поведения высших ценностных установок и прагматических социальных практик являлось нормой. «В малых сообществах, чутких к силовым проявлениям властных отношений и обладающих ограниченными ресурсами существования, периодическое воскрешение небесного идеала общества равных представляется важным условием общественного выживания» [4, с. 204]. На примере митингов первых военных дней можно увидеть именно эгалитарную тенденцию публичной социальной коммуникации: партактив и администрация предприятий в данном случае никак не проявляют свой начальственный статус, они являются, во-первых, такими же участниками общего мобилизующего действия; во-вторых, объективно оказываются уравнены перед лицом высших ценностей: Родины и советского

проекта, которые требуется защитить от враждебных посягательств. При этом средства достижения поставленной абсолютной и лежащей в неопределённо отдалённом будущем (то есть фактически в ином мире, в метафизической реальности) оказываются совершенно земными и практическими: взаимопомощь, жертвенность, упорный труд. «Локальная общность, живущая традиционными ценностями, которые транслируются по каналам непосредственного общения, стремится жить в двух измерениях. Укоренённость на земле только подчёркивает причастность небесному, приверженность мирскому обуславливается его освящённостью свыше, земной мир оправдывается лишь в качестве отражения мира небесного» [4, с. 205].

Важной разновидностью отклика общества на призывы власти стал поток заявлений о призыве на военную службу. В информационных сводках о морально-политическом состоянии населения Новгородской земли регулярно встречаются указания на массовость добровольчества, которое можно считать типовым социальным феноменом военного времени. «Масса заявлений поступает от граждан города (Боровичи), желающих вступить в народное ополчение. Многие домохозяйки, имеющие за плечами 5-6 десятков лет, просят зачислить их добровольцами... Патриотические настроения сильны среди интеллигенции, как, например, из присутствующих на митинге педучилища 34 чел. – 4 человека подали заявления о посылке добровольцами на фронт, 9 чел. просят зачислить в сандружину, 14 чел. записались в народное ополчение... Сильны патриотические чувства среди

молодёжи...более 100 человек комсомольцев уехали добровольцами на военную стройку...»¹.

Кроме обобщённых данных, в сборнике приводятся документы индивидуального характера – это сами заявления граждан. Люди указывают на основные факты своей биографии – снятие с воинского учёта, состояние здоровья, исключение из рядов ВКП(б) и тут же не просительно, а решительно, с осознанием своего права, настаивают на зачислении в ряды РККА. Учитывая, что приводимые заявления датированы именно 3–4 июля 1941 года, можно с достаточной уверенностью рассматривать их как ответ действием на выступление И.В. Сталина. Эти заявления, которых были тысячи по городам и весям Новгородчины, сотни тысяч и миллионы в масштабах СССР – это и была коммуникация власти и общества, причём – её обратная связь.

Индивидуальные, свободно-волевые действия встраивались в массовый тренд и полностью соответствовали высшим ценностным установкам. В сумме и временной длительности они порождали растянутый на всю войну кумулятивный эффект солидарного действия, который стал значимым фактором результативности такого макроисторического события, каким являлась Великая Отечественная война.

Особо подчеркнём: отмеченные социальные реакции не были плодом кратковременного патриотического подъёма (как то наблюдалось, напри-

¹ Из информационной сводки Боровичского горкома ВКП(б) об откликах жителей г. Боровичи на выступление И.В. Сталина по радио. ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 748. Л. 4–9. Опубликовано: [5, с. 45].

мер, в момент начала Первой мировой войны, когда первоначальная эйфория быстро сменилась апатией и разочарованием), но стали устойчивым явлением социальной психологии на все четыре военных года. Следовательно, неправомерно полагать, будто такое состояние было исключительно результатом воздействия официальной пропаганды и угрозы санкций. Бесспорно, власть задавала вектор массовой духовности, но никакое экзогенное воздействие не будет сохранять постоянную эффективность, не будучи подкреплено соответствующими имманентными факторами, убеждениями и эмоциями, проистекающими из самых глубин человеческого сознания и личностных установок.

По мере развития военной ситуации к массовым мотивам патриотических настроений (гнев в отношении агрессора, общее желание защитить Родину) и соответствующих поступков добавлялись мотивы личные, проистекавшие из индивидуального переживания войны. Одним из важнейших в этом случае выступал мотив личной мести за пережитые страдания, за гибель родных в огненной круговерти войны. «...Все мои родители оставши у немца и уже наверно в живых нет, так что я хочу отомстить врагу за мою родную мать и сестёр и моя большая просьба меня послать на передовую линии. Родилас 1920 года. Прошу ниотказать моей просьбы. 2/VIII-42г.»²

Не менее действенным мотиватором оказывалось чувство коллективизма, которое в данном случае принимало обличье непосредственного

² Заявление К.В. Царьковой о зачислении в ряды Красной Армии. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 103. Л. 52. Опубликовано: [5, с. 61]

и острого переживания общности и единства исторической судьбы, желания быть там же, где были родные, друзья, сверстники. В ряде документов второго военного года это чувство просматривается вполне отчётливо. Это касалось не только ухода на фронт, но и такой важной стороны тыловой жизни, как подписка на займы и лотереи, которая приобретала не просто массовый характер, но элементы соревновательности: «На митингах и во время подписки широко развернулось социалистическое соревнование среди цехов, отделов и одиночных вызовов на лучшую и быструю подписку»¹. Беспорно, подписка на займы и лотереи осуществлялась при активной организаторской роли партийного актива и вышестоящих партийных органов. В каком-то смысле её можно рассматривать как «добровольно-принудительную». Однако нельзя сбрасывать со счетов и роль собственно солидарных механизмов – на собраниях трудовых коллективов, партийных организаций людям действительно могло быть стыдно не участвовать в общем деле. Общие нормативные установки и ценности, разделяемые большинством, совершенно однозначно ставили коллективное выше личного. Роль внешнего принуждения не следует завышать ещё и потому, что даже в то непростое время находились «отщепенцы», которые не боялись противопоставить себя призывам и лозунгам, о чём также говорится в цитированном выше документе. Такого рода действия ха-

¹ Из доклада партбюро комбината «Красный Керамик» Боровичскому горкому ВКП(б) «О реализации 2-ой денежно-вещевой лотереи на комбинате». ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 3. Д. 20. Л. 19–22. Опубликовано: [5, с.61]

рактизуются как отрицательные, однако никаких санкций за них не последовало.

Проблема оппозиционных настроений в советском обществе военного времени вообще требует особого внимания. В изданном сборнике она нашла своё отражение в отчётных документах партийных органов. Кроме уже отмеченных фактов отказа от пожертвования своих средств на лотерею и займы, оппозиционные настроения проявлялись в специфических высказываниях-откликах на события. К таким относились антисоветские высказывания при получении первых известий о нападении Германии на СССР: «С., деревни Мшага публично заявил: “Ваших коммунистов теперь всех перевешаем, тогда нам жить будет лучше”».²

В других случаях проявлялись хулиганские наклонности и настроения: «В Хоромском сельсовете, после получения сообщения по радио о введении военного положения, некий Шишунов стал бить стёкла в магазине...»³. В таком поведении трудно усмотреть политику как таковую. Скорее, латентные хулиганские побуждения соединились с шоком от полученной информации. В сознании мог возникнуть образ вседозволенности, что и вылилось в столь экспрессивную реакцию.

Находились среди людей особо «предприимчивые», которые пыта-

² Из политического донесения Шимского райкома ВКП(б) Ленинградскому обкому ВКП(б) о настроениях жителей района. 23.06.1941 г. ГАНИНО. Ф. 177. Оп. 3. Д. 4. Л. 9. Опубликовано: [5, с.18]

³ Из политсводки Боровичского райкома ВКП(б) об откликах населения района на выступление по радио В.М. Молотова. 23.06.1941 г. ГАНИНО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 1. Опубликовано: [5, с. 19]

лись создать условия для собственного безбедного существования в военное время: «За злоупотребление в торговле арестована зав. ларьком Борторгсина гр.Тюкина, которая в прошлом лишилась избирательных прав. Узнав о войне, она при содействии гр. Аносовой З.С. пыталась вынести на свою квартиру из ларька сразу 350 коробок спичек»¹. Неизвестно, с какой конкретной целью работница Торгсина пыталась осуществить вынос: то ли, предвидя военный дефицит, хотела обеспечить свои нужды, то ли в расчёте на спекулятивную торговлю товаром первой необходимости. Как бы там ни было, её поведение получало не только отрицательную моральную оценку, но и вполне реальную санкцию со стороны власти.

В целом среди асоциальных действий можно различать действительно политические поступки и такие действия, которые носили скорее характер эгоизма, желания обеспечить собственное более обеспеченное и благополучное существование, но без ясно выраженной антисоветской позиции. В качестве основных социальных девиаций военного времени можно выделить: ясно выраженные антисоветские заявления и угрозы советским и партийным активистам; скептические высказывания в отношении коммунистов и комиссаров, их патриотизма и поведения; уклонение от призыва на оборонные работы и попытки уклониться от призыва в ополчение во-

преки ранее поданным собственным заявлениям; хулиганские выходки; спекулятивные действия, хищения; нарушения трудовой дисциплины (опоздания, прогулы, самовольные уходы с работы, конфликты с администрацией предприятий и т.п.).

Интерпретация таких социально-исторических фактов по необходимости должна учитывать несколько моментов: во-первых, неоднократные упоминания в сводках позволяют говорить об этих девиациях как о социальном феномене; во-вторых, этот феномен носил периферийный характер и никогда не превращался в доминанту социального поведения; в-третьих, ни в коем случае не следует видеть во всяком факте отклоняющегося поведения политический протест – собственно протестных выступлений было меньшинство; в-четвёртых, подобные поступки наверняка получали негативную эмоциональную оценку со стороны большинства; наконец, в-пятых, власть системно отслеживала такие девиации и гибко использовала разнообразный арсенал средств убеждения и принуждения для их купирования.

Наряду с коммуникацией власти и общества по поводу общенациональной беды реализовывался параллельно и во взаимосвязи канал взаимодействия по поводу житейских проблем, когда требовалось прямое властное действие для их разрешения. К числу таких проблем относился достаточно широкий круг вопросов: помощь в удовлетворении бытовых нужд, забота о детях-сиротах, которых в изобилии породили война и оккупация, возмущение людей по поводу совершавшихся на их глазах несправедливостей, потребность в материальной помощи,

¹ Из информационной сводки Боровичского горкома ВКП(б) о проведении политико-массовой работы, о выполнении производственных дневных планов основных предприятий и о политико-моральном состоянии населения г.Боровичи. 25.06.1941 г. ». ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 756. Л. 4. Опубликовано: [5, с. 27]

особенно острая в районах, освобожденных от оккупации.

Показательно, что активную роль в решении самых насущных вопросов играли партийные организации на местах, которые служили узлом взаимодействия, передачи актуальной информации между широкими массами трудящихся и вышестоящими органами власти. О чём также свидетельствуют архивные документы – в частности протоколы партийных собраний, где в выступлениях ставились острые вопросы по насущным потребностям и предлагались конкретные меры по их положительному разрешению:

«Тов. Анисимова – Я считаю, что обслуживание недостаточно...Света нет, бани бывают редко и никто не беспокоится. Прачечная стирать не берёт, а дома дров нет...

Тов. Савицкая – Бытовые условия рабочих плохие не потому, что плохо работает фабком, а наших рабочих убивают жилищные условия. Надо хлопотать об отдельных домах, чтоб рабочий не был зависим от хозяев и чувствовал себя свободно...

Тов. Генкин – ...Жилищные условия конечно плохие, придётся ставить вопрос в горисполкоме. Но также много не сделали в бытовом обслуживании и материальном обеспечении рабочих. Теперь наша задача помочь рабочим организовать посев огородов – от этого будет зависеть материальное положение...»¹.

На партсобраниях включался уравнилельный механизм – рядовые

рабочие-члены ВКП(б) могли непосредственно говорить с начальством и доносить до него свои нужды и потребности. Однако. Не следует полагать, что этот канал коммуникации использовался только для утилитарных целей. Документы свидетельствуют также о том, что в партийные органы люди могли обращаться, если считали попраным самый принцип справедливости – например, в распределении наград, даже если сами они этой несправедливостью затронуты не были. Примером такой бескорыстной борьбы за справедливость можно считать письмо проходчицы треста «Ленинградуголь» на имя А.А. Жданова. Кроме благодарности за награждение орденом Трудового Красного Знамени, Н.Н. Муравьёва высказывает недоумение, почему не был награждён руководитель товарищ Зайцев. Именно об исправлении этой несправедливости ходатайствует в письме проходчица и подписавшие это письмо восемь других рабочих².

Все рассмотренные свидетельства эпохи представляют собой именно социальные факты, носившие преимущественно публичный и официальный характер. Официальные документы, помещённые в сборнике, позволяют составить разностороннее представление об официальной стороне социальных коммуникаций по линии «власть-общество». Но вот частную, приватную сторону жизни и человеческих отношений официальные документы отразить почти не в состоянии.

¹ Из протокола собрания парторганизации фабрики имени КИМ о культурно-бытовом обслуживании рабочих и служащих фабрики. 20.04.1943г. ГАНИНО. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об-4. Опубликовано: [5, с. 167]

² Письмо проходчицы треста «Ленинградуголь» Н.Н. Муравьёвой секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о награждении за труд. 3.10.1944 г. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 55. Л. 48–49. Опубликовано: [5, с.195]

Между тем даже в самых экстремальных условиях войны, работы на износ и жизни впроголодь, оккупации люди были заняты отнюдь не только «адаптивными стратегиями выживания», как другая крайность, не разговаривали только языком пропагандистских лозунгов. Истина истории будет достижима, если стремиться отыскать её на стыке разнородных проявлений жизни социума и личности в рамках единого хронотопа [2, с. 234–407]. В нашем случае, это сочетание публично-официального и индивидуально-приватного дискурсов в повседневной жизни советского общества военного времени. Проблема, однако, заключается в чрезвычайно скудости аутентичных источников, которые бы в неискажённом виде передавали личные, интимные мысли, эмоции и подробности частной жизни в условиях военного времени, тем более в тылу и на временно оккупированных территориях. Здесь в самую пору вспомнить основоположника школы «Анналов» Марка Блока, который однажды обмолвился, что отдал бы все свои труды ради того, чтобы услышать, о чём просит обычный французский крестьянин в своей вечерней молитве.

Изучение источников личного происхождения позволяет, пусть и фрагментарно, услышать эти голоса «малых людей в большой истории». Пронзительный пример сугубо интимной коммуникации мы находим в воспоминаниях Ивана Васильевича Виноградова, участника партизанского движения на Псковщине и Новгородчине. В частности, ветеран повествует об одном эпизоде, когда группа партизан остановилась на ночлег в одной из деревень, в доме одной их колхозниц,

у которой была семилетняя дочь. Уже засыпая, партизаны услышали следующий диалог между дочерью и матерью:

«– Мамочка, а я забыла наши головки поровнять. Дай-ка я ладошкой примерю. Рядом ли они лежат?

– Зачем, доченька?

– А чтобы пуля нас двоих задела. А то начнут немцы стрелять, залетит сюда пуля, меня убьёт, а ты останешься. Как же ты будешь без меня?» [3, с. 81].

Буквально на этой же странице воспоминаний автор приводит факт вертикальной связи Партизанского края с Ленинградом – когда через линию фронта с оккупированных, но не покорившихся территорий был сформирован и отправлен в блокадный Ленинград обоз с продовольствием. Этот факт несёт в себе сразу два сообщения: пример жертвенности ради ближнего, когда люди, жившие под угрозой фашистской расправы, сами испытывавшие огромные трудности, изыскивали возможность помочь тем, кому приходится не менее тяжело; кроме того, здесь можно усмотреть завуалированное сообщение о практически переживаемой солидарности, чувстве единства судьбы жителей Новгородской и Псковской земли со всей страной, ощущение себя частичкой огромного организма, живущего по единым нравственным законам и ради общего будущего. Как видим, в экстремальных условиях войны, оккупации, лишений и опасностей социальные коммуникации не сводились к решению одних только утилитарных вопросов локального характера. В них находилось место любви, жертвенности и взаимопомощи. Более того, эти ценности и императивные нравственно-поведенческие установ-

ки получали в экстремальных условиях особую силу и выразительность.

Задаваясь вопросом о смысловом ядре социальных коммуникаций военного времени на Новгородской земле, можно определить его доминанту как осознанную жертвенную мобилизацию ради обеспечения будущего. Преодоление трудностей, перенесение лишений и страданий, любые адаптивные стратегии в социально-историческом измерении не были сиюминутным приспособлением, являли собой выраженный вектор коллективной воли, подкреплявшийся как системной убеждения и санкций «сверху», так и инициативы и самоорганизации «снизу».

Мы безусловно солидарны с позицией составителя сборника архивных документов С.В. Яровым в высказанной им мысли о том, что «война показала способность людей к “общему делу”». Не все смогли внести в него ощутимый вклад, но все оказались причастны к нему – потому, что знали, что защищают своих детей, свою землю, свои обычаи. Война показала желание людей противостоять злу» [5, с. 10]. Но эта абсолютно верная мысль может быть продолжена и углублена.

По нашему мнению, объяснение способности людей к “общему делу” кроется в той специфической модели общества, которая существовала в СССР предвоенного и военного времени. Как можно заключить из помещённых в сборнике документов, специфика социальных коммуникаций советского общества на примере Новгородской земли заключалась в их иерархической структуре на внеутилитарной основе. Вершину пирами-

ды занимали абсолютные ценности: идеи солидарного общества и любовь к Родине. На них, как на фундаменте, формировались нормы социального взаимодействия и эталоны поведения. Степенью соответствия нормам и ценностям обосновывалась система поощрений и санкций, оценки человеческих поступков. Фактически мы можем констатировать совпадение социальных коммуникаций и практик военного времени в СССР с теми лекалами традиционного общества, которые выделяют современные исследователи Российской цивилизации в её исторических реалиях. Доминанты высших нематериальных ценностей, солидарные социальные практики, подчинённость личности социуму, моральное и формально-нормативное осуждение индивидуализма и эгоистических тактик выживания (таких, как сотрудничество с оккупантами) – всё это позволяет нам определять советское общество военного времени как традиционное общество, использовавшее для защиты своего будущего и исторической субъектности управленческие и технические достижения эпохи Модерна.

Такой синтез Традиции и Модерна в социально-исторической конкретике Русской цивилизации прошёл проверку войной на прочность и доказал свою конечную эффективность, несмотря на отдельные издержки и недостатки. Следовательно, в исторической перспективе он может быть принят за основу для выстраивания стратегий развития России перед лицом вызовов и угроз эпохи глобализации.

Статья поступила в редакцию 10.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 267 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 233–406.
3. Виноградов И.В. Дорога через фронт. М.: Советская Россия, 1976. 336 с.
4. Домников С.Д. Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество. М.: Алтейя, 2002. 672с.
5. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. Книга 3: 1941–1945. Великий Новгород-СПб: Нестор-История, 2008. 256 с.
6. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1948. 208 с.

REFERENCES

1. Assman A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the ties of time splitted? The rise and fall of the temporal mode of Modernity]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2017. 267 p.
2. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1975, pp. 233–406.
3. Vinogradov I.V. *Doroga cherez front* [The road through the front]. Moscow, *Sovetskaya Rossiya Publ.*, 1976. 336 p.
4. Domnikov S.D. *Mat'-Zemlya i TSar'-Gorod. Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo* [Mother Earth and Tsar-City. Russia as a traditional society]. Moscow, *Aleteiya Publ.*, 2002. 672 p.
5. *Novgorodskaya zemlya v epokhu sotsial'nykh potryaseni. Kniga 3: 1941–1945* [Novgorod land in the era of social upheaval. Book 3: 1941–1945]. Veliky Novgorod-SPb, *Nestor-Istoriya Publ.*, 2008. 256 p.
6. Stalin I.V. *O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soyuz*a [About the great Patriotic war of the Soviet Union]. Moscow, *OGIZ Publ.*, 1948. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: allar71@yandex.ru

Дворковая Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: marinadvorkovaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexei E. Larionov – Ph. D. in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Middle Ages and New Time, Moscow Region State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Marina V. Dvorcovaya – Ph. D. in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Middle Ages and New Time, Moscow Region State University;
e-mail: marinadvorkovaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А.Э., Дворковская М.В. Социальные коммуникации и массовые настроения военного времени (по архивным материалам Новгородской области) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 182–194.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-182-194

FOR CITATION

Larionov A., Dvorcovaya M. Social communication and mass attitudes of the wartime (on archival materials of Novgorod region). In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 182–194.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-182-194